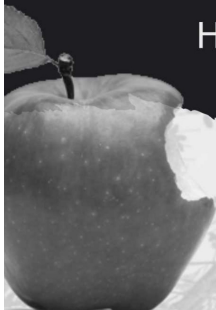

КЛЕПТОМАНКА

Надкусанное яблочко

Станислава Бер

16+

Станислава Бер
Клептоманка.
Надкусанное яблочко
Серия «Клептоманка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43660848

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08857-3

Аннотация

Вы думаете, так просто "воровать" воспоминания? Влезать в чужую шкуру? Вот и Регина Ростопкая не в восторге. А что делать? Расправились над врачом неотложки, а задержали невиновного. Регина точно знает, ей карты подсказали. И кто задержал? Собственный жених. Ну, ничего, она выведет всех на чистую воду. Клептоманка готовится к свадьбе и берётся за новое загадочное дело. Помогают ей всё те же – следователь Архипов и ручной ворон Гриша.

Содержание

Ей имя коварство	5
Оружейник Пётр. Продолжение традиций	9
Жития святых и не очень	18
Неисповедимы пути господни	29
А зори здесь громкие	38
Друг в беде не бросит	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

И месть моя будет страшна... А Бог рассмеялся и наказал мстителя.

Ей имя коварство

– Я – не вор! – крикнул Илья и посмотрел на старшую сестру с надеждой. Если Регина не поверит ему, то не поверит никто. Одноклассница Лариса с куцыми косицами цвета спелой пшеницы, переминающаяся рядом, не в счёт, она всегда на его стороне.

– Не кричи так, – спокойно ответила Регина, поправила шейный платок, прикрывающий ожоги, и захлопнула книжку. – Что случилось?

– Матильду вызывают в школу, – ответил мальчик и опустил голову. Ох, и влетит же ему. От одного тёткиного голоса у Ильи подкашивались ноги. А с тех пор, как они потеряли родителей при пожаре, она для них – царь и бог. Но чаще всего, палач-инквизитор.

– Повторяю вопрос. Что случилось? – спросила выходящая из себя девочка, её бледная кожа порозовела.

– У нашего одноклассника пропала электронная игра, – затараторила Лариса, не выпуская руку мальчика. – Учительница сказала: "Открывайте портфели, будем искать". Игра оказалась в рюкзаке Ильи.

– Я – не вор!

– Я тебе верю, – сказала Регина, отложила книжку в сторону, выгнула левую бровь и уставилась на брата. Только по-

смотрите на него – белобрысый, с телячьими глазами. Это, скорее, она спёрла бы понравившуюся вещь у кого угодно, но Илюша вряд ли мог. Наивный и добрый, парень последнюю рубаху готов снять, убогих жалеет, брошенных животных в дом тащит. Ворона со сломанным крылом притащил, пришлось от тётки на крыше его прятать. Выходили пернатого всем миром. Нет, воровство – это на него не похоже.

– Я пойду вместо Матильды, – сказала Регина, уверенно откинув со лба прядь чёрных волос.

Начался урок. Пятиклассники восстанавливали учащённое после перемены дыхание, усаживались на места. Учительница, стоя у зелёной доски с мелом в руках, хорошо поставленным голосом призывала к порядку.

– Родителей Ростоцкого вызывали? Родителей нет. Я – старшая сестра, – заявила Регина, войдя в класс. – Разрешите поговорить с ребятами. Спасибо.

Ошалевшая от напора старшеклассницы классная руководительница не успела и рта раскрыть.

– Ребята, вы, правда, верите, что Илья – вор? Он когда-нибудь воровал? – спросила девушка школьников.

А сама по взглядам, по рукам, по наклону головы реакцию сканировала. Всем неудобно. Ильюха Ростоцкий – известный добряк в классе. Ан нет, кареглазая девочка в среднем ряду так не считает.

– Вот ты, например, веришь? – спросила Регина у школьницы с карими глазами-пуговицами.

– Не знаю, – буркнула девочка.

Регина ещё не совсем освоилась с обретенной после пожара способностью видеть чужие воспоминания. Её это пугало, но если нужно брата спасать, она готова к эксперименту. Ростоцкая подошла к девочке и доверительно положила руку ей на запястье. Реальность хрустнула и рассыпалась на мелкие фрагменты, как цветные стёклышки в калейдоскопе.

Девочки-пятиклассницы сбились в стайку у окна в коридоре, хихикали, обсуждая мальчишек. Этот глупый, дерево-деревом. Этот прямо тридцать три несчастья, вечно попадает в истории, и неопрятный такой, ужас! Этот хулиган, уже начал курить и с плохими ребятами дружит. Вот Илья Ростоцкий – молодец. Говорят, он – вегетарианец и животных любит. Сама видела, как ворона раненного подобрал на улице.

Таня оглянулась и посмотрела на Илью другими глазами. Как она раньше этого не замечала? Он не похож на остальных мальчишек. А в прошлом году помог ей добраться до дома, когда она ногу ушибла.

– Привет. Пойдёмь со мной в кино? – девочка никогда не откладывала дела на потом. Чего тянуть?

– Я уже с Ларисой иду, – ответил Илья, отвернулся и ушёл в класс.

– Ты ещё об этом пожалеешь, – прошипела в спину Таня, как нож воткнула. Она не привыкла к отказам.

Тут же созрел план. А на следующей перемене она его осуществила. Вытащила у одноклассника игру и подкинула в рюкзак несостоявшемуся возлюбленному.

Регина убрала руку, от удивления встряхнула головой. Ну и страсти кипят в пятом-то классе. Кто бы мог подумать! Таня соседка по парте, как нашкодивший щенок, отводила взгляд. Не зря. В том воспоминании она была свидетельницей сцены воровства.

– Ты ведь всё видела. Почему молчишь? Это Таня сделала, да?

Девочка нахмурилась, а потом не выдержала, повернулась к учительнице.

– Таня влюбилась в Илью, а он не хочет с ней гулять, вот она и подкинула игрушку ему в рюкзак.

– Предательница! – закричала Таня и бросилась на подругу с кулаками.

Илья тут же подбежал к девочкам, расцепил клубок, а Таня улыбнулся и протянул яблоко. Не сердись, мол. Девочка залилась краской и выбежала из класса. Ей подачки не нужны!

– Извини, Илья, что все подумали, что ты – вор, – сказала учительница.

– Главное, что разобрались, – ответила за брата Регина.

Оружейник Пётр.

Продолжение традиций

В плавильном цеху жар стоял, как в индийских тропиках, где управляющий уральских демидовских заводов Пётр Ростоцкий никогда не бывал, но в детстве ему читала про них бабушка Агния. И не смотри, что сейчас ветреный февраль, и за окном снег порошит, камзол отяжелел, лицо покраснело, ручейки пота бежали по щекам наперегонки, успевай утирайся рукавом. Полумрак тёмного цеха окрашивали всполохи огня, руда не выдерживала высокой температуры и превращалась в жидкий металл, из которого в оружейном цеху потом отольют пушки или ружья для царской армии.

Пётр Ростоцкий загородил глаза ладонью, огонь из жаровни не только обжигал, он ещё и слепил смотрящего.

– Нужно придумать специальный шлем со стеклянной вставкой на уровне глаз для защиты.

– Кому придумать-то, Пётр Иоганович? – спросил старший мастеровой, округляя глаза. Совсем ополоумел, немчуга проклятая.

– Кому-кому, – передразнил Пётр, посмотрел на мастерового и досадливо махнул рукой. – Забудь. Я сам придумаю.

Подумать только, восемнадцатый век подходит к концу, а

на Урале всё равно, что в лесу дремучем. Невежество, а ещё лень да пьянство. Эх, если бы не заводы, где столько интересных дел творится, да батюшкин наказ помогать русским царям в оружейном деле, давно уехал бы Пётр в Германию, где чистота, порядок и прогресс. Он бы сам выучился у лучших мастеров и детей выучил наукам.

Сто лет назад прадед Ганс Хельмшмидт приехал в Россию из города Росток по приглашению покойного царя Петра, был обласкан вельможами и признан лучшим оружейником в немецкой слободе. По распоряжению царя портрет Ганса придворный художник писал. С лёгкой руки промышленника Демидова трудная для славян фамилия Хельмшмидт затерялась, и целая династия оружейников носила теперь фамилию Ростоцкие.

Маленькая смышлёная Клара, любимица отца, подавала надежды. Только какая ей доля выпадет в холодных русских землях?

– Фатер приехал! Ура! – закричала девочка, как только скрипнула входная дверь добротного кирпичного дома в центре небольшого городка, выросшего вокруг прииска.

– Иди скорее, обниму. Шнеле, шнеле! – сказал Пётр, стоя в прихожей, широко расставив руки.

Клара бежала по длинному узкому коридору навстречу отцу, спотыкаясь в башмаках, доставшихся от старших братьев. Пётр засмотрелся на неё – вылитая Агния Ростоцкая. Любимая бабушка воспитывала его в лучших традициях

немецких переселенцев, приучала к порядку, любви к работе, уважению к русскому народу и земле, ставшей родиной.

– Помни, внучок, моему отцу пришлось бежать из Германии, а русские приняли его как родного. Никогда не забывай.

Пётр наклонился, сгрёб малышку в охапку и закружил. Клара хохотала, обнажая фамильную щербинку. Надо же, такая маленькая, зубы молочные, а щербинка уже появилась. Вот что значит сильная немецкая кровь!

– Питер! Так скоро? – сказала жена, вышедшая из кухни.

– Не ждала? – спросил оружейник, шутливо нахмурившись и уперев одну руку в бок. На другой руке сидела Клара, обхватив отца за шею. – Признавайся, кто к тебе захаживал, пока я был в разъездах?

– Глупый! Конечно, ждала.

В столовой накрыли праздничный стол, отца семейства, почитай, месяц не было дома. Со стены, с портрета смотрел на потомков Ганс Хельмшмидт, улыбался в пышные усы. Наваристая похлёбка дымилась в фарфоровой супнице, жена чинно разливала по тарелкам. Пётр оглядел детей. Мальчики и Клара ждали своей очереди на суп. Мать следила за порядком. Суп только после отца!

– Хорошо себя вели в моё отсутствие? Слушали мутер? – серьёзно спросил отец.

– Слушали! – хором ответили малыши.

– Тогда вот, получайте гостинцы, – сказал Пётр и вытащил из кармана кулёк сладостей.

Дети заверещали, соскочили со стульев, потянулись было к кульку, мать шикнула. Сначала суп, потом сладкое! Ребята послушно сели на места. Отобедали, получили гостинцы, засыпали отца вопросами, где был, что видел. А пушки громко палят? А ядра пушечные тяжёлые? К вечеру утомонились. Перед сном Пётр зашёл в детскую, мальчишек погладил по головам, сел на кровать дочери, сказку рассказать про горбатого человечка.

– А ещё про гномов почитай, рудокопов. Фатер, пожалуйста! – взмолилась Клара.

– Давайте-ка я вам лучше расскажу про Ганса и Агнию.

– А это ещё кто? – нахмурилась дочь.

– Видели, портрет висит в столовой?

– Дядька в смешном кафтане? – спросил старший сын, хихикая. Смешливый малый растёт.

– Это мой прадед, а ваш прапрадедушка Ганс Ростоцкий. Золотые руки, знатный умелец по оружейной части слыл.

Дети притихли в кроватках. Такую сказку им ещё не рассказывали.

– Давным-давно Ганс ехал в Россию, в Московию. Жена была на сносях, охала да ахала. Вдруг среди чистого поля ба-бац... Гром и гроза! И тут в их возок ударила молния, жена испугалась, и начались роды. Родилась у Ганса дочь. Да непростая девочка, а знающая. Агния – из огня рождённая.

– А что она знала? – заинтересовалась Клара.

– А всё знала. Наперёд. Вот должна, например, беда слу-

чится, а Агния уже предупреждала. Осторожно! Отца от смерти неминуемой несколько раз спасала.

– Как? – хором спросили дети.

– Однажды Ганс должен был в лютый мороз из Москвы в Тулу ехать, на тульский оружейный завод. Агния не хотела пускать отца. Он заупрямился, тогда она с ним напросилась, а по пути волки напали на возок.

– И съели их? – выдал средний сын, не подумав.

– Ну, а как бы тогда я появился на свет? И ты? Если бы мою бабушку в детстве съели волки. А? Подумай.

Дети развеселились.

– Тихо, ребята, тихо, а то мама придёт и всем нам задаст. Тсс! Так вот, – понизил голос Пётр. – Агния остановила волков одним только взглядом. Поджали хвосты серые хищники и в лес убежали, голодными.

– А как она сумела? – спросила дочь.

– Никто не знает. Это бабушка хранила в секрете. А когда выросла, она детей лечила, вправляла им вывихнутые ножки, раны заживляла. Вот такая была у вас прабабушка.

Клара заснула, спала тревожно, вздрагивала. Снились ей серые волки, голодные жёлтые огоньки вместо глаз, и будто это она, а не Агния останавливала их взглядом. А потом опять появилась Агния, близко-близко. Посмотрела Кларе в глаза и поцеловала в макушку. Девочка проснулась среди ночи, подушка мокрая, сердце барабанило, как игрушечный солдатик братьев, макушка пылала огнём.

Десять лет пролетело, как один день. Пётр поседел, ссутулился. Объезжал заводы, обходил цеха медленно, степенно, без былой удали. Порядок навёл на предприятиях, сам Демидов не смог придраться. Хоть наследник промышленной империи редко здесь появлялся. Почитай раз в пятилетку или того реже. Он всё больше по столицам, по заграницам, по балам да вернисажам разъезжал.

Ростоцкий свою часть заводов холил и лелеял, технологии усовершенствовал, людишек держал в строгости, у него не забалуешь. Пушки отливали на зависть французам и шведам. Царь Павел I от войн и земельных притязаний отказывался, но армию содержать всё равно нужно, чтоб басурмане рот не раззевали на Русь. Хвалил, говорят, демидовский арсенал. И Петру было лестно, не зря жизнь положил на военное дело. Не жалел ни себя, ни людей. Давеча накрыл шайку казнокрадов с прииска.

– Ишь, чего удумали! Заменять чистый металл поганым. А разницу в цене по карманам распихивать, – возмущался Ростоцкий на заседании суда.

– Пушки ведь стреляли, – оправдывались воры.

– Это хорошо, что на заводе заметили. Если б эти пушки в дело пошли, поубивало бы солдатиков-пушкарей. Разорвало бы на части и стволы пушечные из поганого сырья, и тела их молодые. На куски разлетелись бы.

– Ты, Петрушка, попомнишь ещё нас! – грозился пальцем левой руки старший надзорный за ссыльнокаторжными

на демидовских рудниках, долговязый рябой мужик, сам отправляясь на каторгу по приговору суда. – Найдётся и на тебя управа.

Уж года три прошло с тех пор. Этот случай отвадил воровать. Хорошее сырьё шло на царские пушки, штыки и фузеи. Хоть и стар стал Пётр, ноги вечерами гудели как заводской гудок, Ростockому не стыдно было людям в глаза смотреть.

– Ты не ходи сегодня на завод, фатер, – подросшая дочь сказала оружейнику за завтраком.

Клара вытянулась, распустилась, как хорошо политый цветок в тёплую погоду, почти невеста, через годик замуж можно отдавать. Такую красавицу – синие глаза-льдинки, чёрные брови, любой возьмёт. Вот, чёрт! Как быстро растут дети! Пётр этого не хотел, боялся этого дня. Младшенькая, умница, любимица, и вдруг чья-то жена. Даже головой встряхнул, отгоняя эти мысли. Уговаривал сам себя, ещё рано.

– Сегодня четверг. Как я могу не пойти на службу? – удивился отец.

– Прошу, не надо. Сон видела, и предчувствие нехорошее, – сказала Клара и положила руку на его ладонь.

– Как будто бабушка Агния со мной разговаривает. Как же ты на неё похожа! – сказал Пётр, засмотревшись.

– Вот видишь! Значит, надо меня слушаться, – обрадовалась дочь.

Пётр, конечно, на девичьи капризы внимания не обратил,

надел камзол, шляпу нахлобучил и был таков. Дел много ещё нерешённых, новый вид фузеи или, как нынче принято говорить – ружья, надобно подготовить к просмотру в Петербурге.

У заводских ворот крутились босые нищие. Отрепье, лохмотья, гной, язвы, чёрные сбитые ноги, кровавые следы на щиколотках. Попрошайки. Надо бы сказать сторожам, чтоб гнали взащей, принесут заразу на завод, эпидемии ещё не хватало.

– Ахтунг! Ахтунг! – сорвался далеко позади девичий звонкий голос.

Ростоцкий оглянулся, и во время. Долговязый нищий левой рукой заносил над ним топор, в спину метил, душегуб. Пётр увернулся, нищий полетел по инерции вслед за топором. Сколько же силы он вложил в удар, сколько ненависти.

– Ты цел, фатер? – подбежала запыхавшаяся Клара. Успела!

– Цел, конечно, цел. Твоими молитвами, доченька.

Сторожа прибежали из-за ворот, скрутили доходягу. Оружейник ногой развернул к себе лежащего на земле лиходея. Жёлтое, рябое лицо, глаза, налитые кровью и злобой. Ба! Да это же старый знакомец, беглый каторжник.

– Батюшки! – воскликнул Пётр от неожиданности. – Какими судьбами к нам пожаловали?

Рябой нищий, никто иной как бывший надзорный за ссыльнокаторжными, валялся в грязи.

– Сбежал я, чтоб тебе, Петрушка, отомстить. Вишь, свезло тебе. Девку благодари.

Отомстить больше не получилось, через пару лет сгнил он на каторжных работах, а Пётр ещё много лет трудился во славу русского оружия.

Жития святых и не очень

Годы промчались, как санки в овраге у крепенького кирпичного отчего дома. Они с братьями лихо съезжали с горки на Рождество и зимние каникулы. Неслись во весь опор, ветер в лицо, снежный вихрь царапал нежные щёчки, а потом куча мала и беззаботный смех. Детство пролетело, юность пронеслась.

Сестра Калиса, в миру Клара Ростоцкая, вздохнула, заправила волосы за чёрный апостольник, выбиваются непослушные локоны, как их не зачесывай, и вышла из кельи. Время пять часов пополудни, а значит, в храме начинается вечернее богослужение. Сестра Калиса нашла глазами сестру Евдокию, её веснушки и смешные окуляры издалика видно, протиснулась сквозь тесные ряды послушниц и инокинь, встала рядом. Мать-настоятельница открыла Евангелие, прокашлялась и начала читать:

– Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем...

Мать-настоятельница отпила воды из кружки, в горле першило, продолжила:

– Блаженны миротворцы...

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

На кафедру поднялся священнослужитель из соседнего мужского монастыря. Молодой послушник смиренно стоял рядом, держа наготове книгу, чаши.

– Вишь того, молодого с дурацкой прической? – зашипела в ухо Евдокия. – Ну, смотри внимательно. Лицо у него елейное.

– Мальчишку? – уточнила Калиса.

– Ага. Толкуют, что это байстрюк, младший сын князя Шумкина. Иларион.

– А чего он в послушниках? Батюшка наследства пожалел?

– Бестолковый, говорят, прогневал отца. Опозорился. Князь его с глаз долой, из сердца вон. Но денег и добра всякого монастырю отвалил, карету полдня разгружали.

– Как будто откупился, – высказала мысль вслух Калиса.

Молодой послушник смотрел смиренно, но губы поджимал упрямо. В Калисе что-то перемкнуло, она внезапно ощутила уверенность. Они ещё с ним встретятся. Как будто прабабка Агния в ухо дунула: "Берегись его!"

Монахини прослушали отрывки из Евангелия, проповедь, помазались и вышли из храма. Монастырский двор, окружённый толстыми крепостными стенами, с извилистыми, расчищенными от снега дорожками, окрасился ранним декабрьским закатом.

– Слышала новости, сестра? – спросила Евдокия, снимая запотевшие окуляры, переминаясь с ноги на ногу. Холодина, будто репетиция Крещенских морозов уже началась.

– О Царствии Небесном? – пошутила Калиса.

Клара Ростоцкая уже три года как приняла постриг, преобразилась в Калису, обжилась в монастыре, позабыв мирские тяготы. Сестра Евдокия, купеческая дочь, монастырский казначей, с весёлыми веснушками и невесёлой судьбой, больше всех ей нравилась. Бойкая, живая, кровь с молоком.

– Да ну тебя, Калиса. Вечно ты зубоскалишь. Накажет тебя Боженька. Ой, накажет, – погрозила Евдокия пальцем подруге.

Погодки, обеим по сорок трудных лет, обе женщины потеряли детей. У Калисы один сын остался, да и тот из дома ушёл, армейская служба ему приглянулась, остальные дети умерли в младенчестве, не уберегла их мать. Муж в отечественную войну под Бородино геройски голову сложил. Куда ещё ей было податься, как не в монастырь.

– Если с чистым сердцем, то и пошутить можно. Так что у тебя за новости?

Купчиха Евдокия, не раз битая, или, как в народе говорили, учёная мужем, двух сыновей на свет родила. Один заболел и ушёл в мир иной. Все свои и мужнины капиталы Евдокия на дохторов спустила, не помогло. Второго сына она отмолила, он уже приготовился к смерти, глаза закрыл. День и ночь мать на коленях стояла, обещала за жизнь мальчи-

ка служить Богу вечно. Сынок глаза открыл и на поправку пошёл. Чудо! Чудеса! Исцеление Господне! Обещание пришлось исполнять. Теперь обе постриглись и отреклись от всего мирского.

– Государь-император преставился, – выпалила монахиня, близоруко щурясь, пытаясь разглядеть, задрожала себе-седница или просто обомлела.

Калиса стояла не шелохнувшись, только брови чёрные свела к переносице.

– Да не в Петербурхе, а в Таганрохе. Молодой ведь ещё. И не болел. Поговаривают, уж не убили ли царя часом.

Калиса молчала, глаза-льдинки смотрели в одну точку.

– А ещё говорят, что государь бежал в Киев и там будет жить во Христе с душою и станет давать советы, нужные новому государю, Николаю Павловичу, для лучшего управления государством. Во как!

Калиса отвернулась.

– А? Что думаешь? – допытывала Евдокия.

Нет, ну что это за напасть такая? Она, значит, по всей округе каталась, благо дел у монастырского казначея полно, слухи собирала, как горячие пирожки ей принесла, а подруга даже ухом не повела. Тьфу! Прости, Господи. Но нет, повернулась, снизошла, сподобилась ответить, немецкая принцесса с демидовских заводов.

– Помнишь, третьего дня мне сон дурной приснился? – наконец промолвила Калиса.

– Про цыгана?

– Да, про него. Ведь говорила тебе, не простой это сон. В руку.

– Это ещё почему? – отстранилась Евдокия. Опять Калиса верховодит.

– Цыган пришёл сюда, на монастырский двор, коня предлагал. А потом расхохотался золотыми зубами, прыгнул на коня и ускакал.

– Ну и что?

– А то! Что у цыгана того распятие висело на груди. Не носит такого распятия свободный народ. Не верят они в нашего Бога. У них один бог – мать-природа. К обману пришлось. К великому обману.

– Суеверие это всё, – не унималась подруга.

– Через такие сны с нами Бог говорит. Помяни моё слово, Евдокия.

Монахини перекрестились и разошлись по кельям.

Следующие десять лет пронеслись стремглав, как тот цыган из сна Калисы. Она теперь непростая монахиня, она теперь кроме апостольника носила клобук. Прежняя игуменья преставилась. Царствие Небесное и вечный покой! Кого архиерею назначать-то в настоятельницы? Калиса – самая образованная и деятельная. Кому как не ей возглавлять монастырь? А она тут уж развернулась, возглавила, да.

– Не тихая обитель, а проходной двор, – инокини постарше, поконсервативнее ворчали на неё, но деваться им некуда.

Монастырь большой, другого такого не то что в губернии, по всей России сыскать не удалось. Старинный. В стародавние времена поставил скромную келью божий человек на острове, только узкий перешеек соединял его с берегом. Вокруг кельи и вырос монастырь. Толстые стены возвели, спасавшие от набегов диких племён. Берега у острова крутые, не подобрёшься. Позднее внутри монастырских стен вознёсся белокаменный храм. Намоленное место.

– Удивляюсь я тебе, матушка, – сказала Евдокия, сидя в комнате настоятельницы, пальцами перебирая чётки.

– Что опять не так? – вздохнула Калиса, отрывая голову от бумаг.

Она, конечно, доверяла подруге, казначею со стажем купеческой закалки, но немецкая аккуратность, передавшаяся от предков, заставляла перепроверять отчёты о тратах и прибылях. И доходов у монастыря хватало, свои земли и пожертвования имелись. Все ли внесены? И расходы увеличились. На много ли? Ошибиться каждый может.

– Фантазия у тебя больно богатая. Ну, ладно приют для сирот открыла, Бог с ними, с несчастными. Но школу-то зачем для крестьянских детей открывать? Денех уходит уйма. На столы, на лавки, на книжки, на чернила и перья. Одни траты, – вздохнула в свою очередь Евдокия.

– Грамота нужна ребятишкам, это ты не спорь со мной, – возразила Калиса и вернулась к бумагам.

– Крестьянину крепостному? На кой? Чтобы он кобылам

в поле книжки читал? – возмутилась Евдокия, сморщив веснушчатый нос.

– На той! Чтобы человеком стал, а не рабом бессловесным, приложением к кобыле, – сверкнули глаза-льдинки.

Евдокия запыхтела, окуляры сняла, протёрла рукавом рысы. Баловство это – учить крепостных, а не поспоришь – начальство велит. Хорошо, что зимой крестьянских детей отпускают образование получать, а сейчас лето, каникулы, закрыты классы.

– Ты, сестра, не дуйся. Вскоре ещё нам раскошелиться придётся, – сказала настоятельница почти примирительно.

– Ну и что на этот раз? – спросила Евдокия.

– Есть у меня одна задумка. Больницу хочу для бедных открыть.

– Чего? – монахиня нацепила окуляры обратно, вглядываясь в лицо Калисы. Шутить изволит?

– Жду одобрения архиерея, говорю. А потом строить новый корпус будем. На десять палат и кабинет врача.

– Вот ты – непоседа, матушка. Чего тебе спокойно не живётся-то? – спросила Евдокия, качая головой.

– А то и не живётся, что в округе врачи только богатых лечат, а бедняки мрут от простой хвори, как мухи от холода. Детишек жалко. Ничего, сестра, наладится всё у нас. Не переживай.

– Опять сегодня в деревню пойдёшь? – осуждающе наклонила голову в бок подруга.

– Пойду.

Калиса закончила с бумагами, раздала указания монахи-ням и послушницам, полы отдраить, обед приготовить, огород полить, и отправилась в путь. Лучший её ученик, смышлёный не по годам Ванька Кудрявый, на косу наступил, рана не заживала. Как бы мальчишка ноги не лишился или того хуже. Калиса ходила к нему через день, выкраивала время, мази прикладывала, знала какие травы собирать нужно, повязку меняла, житие святых читать приносила. В этих заботах и появилась мысль о больнице.

В деревне днём пусто, гулко, лениво. Даже собаки не лают, спят. Оставались старики да бабы с малыми детьми. Летом все в поле, в работе.

– Здоровья Вам, матушка! Не оставляете нас, – сказала крестьянка, стоя у деревянной лавки, где лежал мальчик. – Поправится наш Ванёк али нет?

В избе пахло свежим хлебом и сырыми пелёнками. В люльке сопел младенец, по деревянному скоблённому до бела полу ползал ещё один карапуз. Калиса наклонилась, погладила малыша, перекрестила.

– На всё воля Божья, – ответила она, распрямляясь. – Молитесь за него и не давайте ходить. Нельзя рану тревожить пока.

– Ох ты, святые угодники! Отец уже ругается. В поле работы много, важные руки в помощь. Надо же такое приключилось в самый сенокос.

– Молитесь, – повторила Калиса, собираясь уходить.

– И старец так говорит. А нога-то не заживает, – подал голос с лавки Ванька, мотнув упрямо кудрями, надоело лежать.

– Что за старец? – остановилась в дверях настоятельница.

Мальчик и его мать посмотрели с недоумением. Вся округа бурлила, к старцу-отшельнику на поклон ходила. Святой человек объявился, а матушка не знала.

– Старец Козьма. В медвежьей пещере живёт, – ответила крестьянка.

– У чёрной горы, – добавил Ванька. – Вчерась заходил в деревню. Маманя попросила, и он меня благословил.

Глаза мальчишки засияли, словно не старец, а сам Иисус его осенил крестом.

– А что, Евдокия, ты мне главной новости не рассказываешь? – строго спросила Калиса, вернувшись в монастырь.

– Какой? – испугалась монахиня, аж в горле пересохло. Все новости она узнавала первой. Неужели мимо неё прошли слухи?

– В деревне говорят, что старец объявился.

– Козьма? – разочарованно спросила Евдокия.

– Он самый.

– Так он уже год как объявился. Сначала в пещере сидел, недавно в народ выходить начал. Не слыхала разве?

– Не слыхала, сестра.

– Чудеса творит. Крестьяне, купцы и всякий сброд души в нём не чают.

– Самозванец или как? – спросила настоятельница.

– Не буду врать, матушка, не ведаю. Хошь узнаю? – встрепенулась Евдокия. Новые задания оживляли её размеренную тихую жизнь.

– Да, хочу. И, если не прохвост, каких нынче много развелось, ну, сама поймёшь, шарлатанов издалёка видно, ведем-ка ты его, сестра, к нам в монастырь.

Прошло три дня. Калиса занималась срочными делами. Лето на Урале быстро пролетало, зевнуть не успеешь, октябрь на дворе. Построек много, за всеми следить надобно, где крыша прохудилась, где забор покосился. А ещё земли да уголья объехать, на письма архиерея, жертвователей, попечителей ответить, никого не обидеть, не пропустить. Настоятельница и думать забыла о своей просьбе, когда в келью заскочила запыхавшаяся Евдокия.

– Матушка, не идёт Козьма в монастырь! – выпалила монахиня и плюхнулась на стул.

– И ты будь здрава, сестра, – сказала Калиса насмешливо, сидя перед маленьким зеркалом. Зачесывать непослушные локоны всё также трудно, хоть и волосы уже поседели.

– Ой, прости, ради Бога. Доброе утро.

– По порядку сказывай.

– Козьма, говорю, не хочет идти к нам. Звала я его. Ни в какую, – мотнула головой Евдокия, чуть окуляры не слетели с носа.

– Какой ещё Козьма?

– Старец! Ты что, забыла?

– А-а, старец, – повернулась к подруге Калиса, в глазах-льдинках промелькнула догадка. Вспомнила. – И почему не хочет идти?

– "С Богом я и из пещеры поговорю", так молвил.

– С Богом-то он, вестимо, поговорит. А со мною не сможет из пещеры. Не докричится.

– Не хочет, – развела руками монахиня.

– Не беда. Если гора не идёт к Магомету, Магомет идёт к горе.

– Что за Махомет? – сморщила веснушчатый нос Евдокия.

– Магомет – это я.

– Ты же Калиса, а не Махомет, – растерянно сказала монахиня. С ума сойдёшь с такой матушкой.

– Я сама пойду к старцу. Сама. Посмотреть надобно, святой человек или прохиндей.

Неисповедимы пути господни

Чёрная гора, видимая со стен монастыря, вблизи оказалась покрытой тёмно-зелёными, изумрудными лесами. Калиса вышла из возка, размяла затекшие ноги, огляделась. Набрала тягучий хвойный воздух полной грудью. У входа в пещеру сидела пара нищих. Стояли плошки с едой – подношения. Возница дышал в спину, сестра Евдокия наказала ему не отходить от матушки ни на шаг, мало ли кого в лесу да в горах встретишь, худые людишки рыщут, добычу ищут. Калиса знаком приказала ему остаться, подала нищим и зашла в пещеру.

Матушка поёжилась. Несмотря на знойный день, внутри было сыро и прохладно, сочилась влага из пористой нутрянки горы. Несколько свечей скудно освещали пещеру. Накинутая рванина на плоский камень исполняла роль лежанки. Старец сидел на камне, прикрыв глаза. Калисе стало неудобно прерывать молитву. Или сон? Она бестолково мялась на месте. Незванный гость хуже татарина.

– Проходи, коли пришла, – сказал старец, не открывая глаза.

Не так уж он был и стар. Они, наверно, погодки, ну или она чуть моложе. Длинные седые волосы спадали на холстяную рубаху, белая борода лежала на широкой груди. Пожа-

луй, красив. Правильные черты благородного лица, умные морщины. Не крестьянских кровей. Нет. И это странно. Благородные в отшельники редко набивались.

– Здравствуй, добрый человек, – сказала матушка, прошла внутрь, села на камень поодаль. – Сказывают, ты чудеса творишь.

– Бог творит чудеса.

Калиса разглядела в тёмном углу пещеры личные вещи старца. Гребень из слоновой кости, икона, книга в кожаном переплете с чудным вензелем. Настоятельница прищурилась, какая там буква на книге не разобрать.

– А ты его посланник? – проверила догадку Калиса, предвкушая "раскусить" очередного мошенника. – Господь к тебе явился и волю свою передал для людей. Так?

– Бога не видел, врать не стану, а голос его каждый день слышу. Разве с тобой, матушка, Бог не разговаривает? – светло-серые глаза старца уставились на Калису с удивлением.

А Козьма-то не прост. И её он сразу признал, и вопросы с подковырками. И сила. Какая же от него исходила сила. Взгляд добрый, но этой добротой сосну в лесу завалить сумеет, если захочет. Не видела раньше такого Калиса, не чувствовала.

– Что же ты в пещере, как зверь лесной, живёшь? Любой крестьянин тебя в избу пустит, только попросись.

– Я молюсь.

– Ты к нам приходи. Вместе помолимся.

Не прошло и недели, пришёл старец в монастырь. Сам пришёл.

– Хорошо тут у вас. Свободно дышится, – сказал Козьма, расположившись на лавке в трапезной.

– Дыши на здоровье. Воздух озёрный он – чистый, – сказала Евдокия, сидя рядом со старцем.

Простая монастырская еда пришлась ему по вкусу. Много не ел, плошку с пареными овощами опустошил, губы промокнул холщовой салфеткой, нежные длинные пальцы, не утруждённые работой, вытер, поблагодарил и откинулся от стола.

– Да я не про воздух говорю. Свобода праведная в монастыре вашем живёт.

– Ну, а где ей ещё жить-то?! – не сдавалась монахиня.

– Ты, сестра, помолчи немного. Дай человеку слово вставить в твой нескончаемый поток, – прервала словоохотливую подругу Калиса.

Пареные овощи она не любила. Сейчас бы слопать немецких колбасок, как готовила на праздники мутер, но мясо есть нельзя – пост. Матушка поковырялась в кушанье и отодвинула плошку подальше.

– В дорогих палатах свобода не живёт, – сказал Козьма, загибая палец. – В купеческих домах давно не живёт. Иногда в простых мужицких избах обитает. В монастырях и церквях не всегда свободно дышится. Вот, к примеру, звал меня со-

сед ваш, в мужской монастырь, я не пошёл. Нет. Трудно там, чёрно всё, отказался. А у вас хорошо.

– Тебе виднее, странник, – ответила настоятельница с улыбкой. Глаза-льдинки просветлели.

– Приют для сирот, школа для детишек. Такого и в Петербурге не встретишь, не то чтобы в Уральских горах.

– А ты и в Петербурхе бывал?! – не удержалась Евдокия, округлила глаза в окулярах.

– Случалось, – стушевался старец, мотнув белой головой, быстро спросил. – И больницу строить будете?

– Архиерей разрешит, будем строить, – кивнула матушка.

– Вот это благое дело. Крестьян никто не лечит – это факт. Помогать вам буду, если разрешите.

– Врачевать могёшь? – не переставала удивляться сестра Евдокия.

– Могу, – сказал Козьма и положил руку на резное распятие на груди.

Сказано, сделано. Небольшой дом у самого перешейка, соединяющего остров с крепостью и побережье, вырос за считанные дни. В избушке поселился Козьма. Жил скромно, принимал страждущих, исцелял по мере сил. Матушка благословляла его, не прост старец, ой, не прост. Тянуло её к нему, как обжору к сладостям. Так и съела бы целиком. Мудрый, спокойный, благочестивый. А говорил-то как! Как будто большую ложку в бочку мёда зачерпнул. Сладко.

Каждый день они вели со старцем беседы. О жизни, о

смерти, о Царствии Небесном, о свободе, которую так любил странник.

– Слышала, матушка, что у соседей творится? – спросил Козьма.

– У каких соседей? В уезде? – ответила вопросом на вопрос Калиса.

– В соседнем мужском монастыре лихоимство творится. Новый настоятель самоуправством занимается. С иноков три шкуры дерёт, а себе карманы набивает златом.

– Иларион? – встряхнулась настоятельница. Вот оно! Предчувствие.

– Он самый. Хорошо, что не пошёл я к ним. Сердце подсказало, чёрно у них в монастыре.

– А тебе кто сказывал про лихоимство?

– Бежали два монаха от Илариона. Третьего дня у меня останавливались. Жалились больно, жизни не даёт, затравил всех ядом своим.

– Бог всё видит, – покачала головой Калиса.

– И это правда.

Осень наступила рьяно, ворвалась в уральские края, как кавалерист в захваченный вражий город. Только что цветы и травы благоухали в полях, уже промозглый ветер продувал прохожих насквозь. Калиса стояла у окна, смотрела, как кружились в осеннем танце жёлтые листья, разглядывала монастырский двор, нарадоваться не могла. Чистота у них, порядок, амбары полны запасов. Хорошо подготовились к зиме.

– Беда, матушка! – ворвалась в келью Евдокия.

– Господи! Что ж ты кричишь-то так? Как Ирод окаянный.

Испугала.

– Беда, говорю, – уже спокойнее произнесла монахиня, села на скамью, пытаясь отдышаться. Бежала долго.

– Что случилось, сестра? – спросила Калиса, подходя к подруге.

– Козьму забрали, – выпалила монахиня, глазища больше окуляров выпучила.

– Кто забрал? Толком говори, – спокойно сказала Калиса, предчувствуя неладное.

– Земский исправник.

В уездный город ехать недолго, пару часов по хорошей погоде, и ты на месте. Всё это время Калиса была сама не своя. Острые иголки изнутри кололи грудь. Как же так? Неужели арестуют Козьму да в кандалы закуют? Наплел паршивец завистливый, доложил кому надо. Якобы старец сеет смуту среди крестьян, богохульствует, замечен в воровстве. Конечно, Иларион слюной изошёл, как узнал, что слава о святом человеке за пределы округа пошла, а о нём слово хорошего никто никогда не сказал.

Но когда она приехала на место, сначала опешила, а потом умилилась увиденному. Исправник, здоровенный детина с гусарскими усами, ухаживал за Козьмой, как за кисейной барышней. Чаю изволите? Пожалуйста. Баранки маковые надобно? Вот они. И смотрел на старца, как мальчишка

в базарный день на петушок на палочке. Готов был облизать со всех сторон.

– Ошибся настоятель Иларион. Так ему и передам. Идите с миром, – напутствовал исправник, махал рукой, как ещё кружевным платком глаза не промокнул.

– И самогонку ту больше не пей, и жирного отстерегайся, – ответил Козьма и сел в возок рядом с настоятельницей.

– Что ты ему сказал такое? – полюбопытствовала Калиса.

– Да так. Ерунда. Заковырку одну решил и всё.

– Ну, ну, – сказала матушка и руку на руку старца нечаянно положила.

И что тут началось! Возок поплыл, поплыл и растворился вовсе. Калиса моргала, но видение не проходило. Видела она глазами Козьмы исправника. Как так? Чудеса или бес играет?

– Ты мне это здесь прекрати! Мне здесь светопредставление не нужно разводить, а то мигом в кандалы и в рудники пойдёшь своим ходом, – здоровенный детина грозил толстым пальцем в сторону старца.

Исправник вышагивал из угла в угол по скрипучим деревянным полам небольшого кабинета, подкручивая ус и всё больше подзадоривая себя. Читать морали – милое дело. Особенно после плотного обеда у румяной зазнобы. Сапоги в гармошку, шаровары необъятные. Внезапно остановился, сглотнул слюну и поморщился от накатившей в брюхе боли.

"Э, да у тебя кишки прогнали, парень", – подумал Козьма и заулыбался.

– Ты чего лыбешься, поганец? – окрысился исправник, превозмогая боль. – В морду хошь?

– Помочь тебе хочу.

И ведь помог. И боль прошла, и детину как подменили.

Калиса руку убрала, и воспоминание исчезло. Что это было? Настоятельница перекрестилась. Привиделось, поди. Переволновалась за старца, и вот что получилось.

– Да ты не волнуйся так, матушка. Ничего со мной не случится, – как будто услышав её мысли, сказал Козьма, добавив. – Да и с тобой тоже.

– Подожди, Иларион новую подлость придумает, помяни моё слово, Козьма. Он уже на наши земли засматривается. На что приют и школу содержать будем, а?

– Откуда знаешь?

– Сестра Евдокия сказывала давеча. Иларион митрополиту писать собирается. А вдруг выгорит у него дельце гнусное?

– Не получится у Илариона ничего. Стоит мне только гаркнуть слово в Петербурге, то весь этот городок содрогнётся от того, что будет.

Калиса пригляделась к старцу. Не замечала она раньше в нём такой гордыни. Никак помешался в уездном учреждении. Били его там, что ли? Умом тронулся точно.

– Оставь сомнения. Верь мне, – почувствовал неуверенность в собеседнице Козьма и уже сам положил ладонь на её руку.

И вот опять! Возок начал таять, пока совсем не исчез. Да что это такое творится? Что с ней происходит? Даже с прабабкой Агнией такого не случалось, а она – самая сильная в роду была.

Калиса оказалась в пещере. Стужа снаружи. Внутри стыло, промозгло. Колени упирались в холодный каменный пол, болели. Желудок прилип к хребту, пятый день не видел он хлебной крошки. Козьма крестился и бил поклоны перед слабоосвещённой иконой в резном окладе. Сначала бормотал, потом громко заговорил. Каялся.

– Я запутался в женищинах. В грехах своих. Обе дочери умерли в младенчестве. Наследников не оставил. Дочки – это хорошо. Но они же есть и самые свирепые мстительницы, а с их матерями я не всегда поступал честно.

Старец встал. Колени ныли нещадно. Отдыхался, выпил воды из железной кружки. Сел на каменную лежанку, взял книгу в кожаном переплёте, погладил вензель с буквой "А".

– Я устал быть царём. Устал от правления. Устал от суеты. Устал и убежал. Пусть брат мой Николай теперь правит. Он достоин. А я сейчас свободен и покоен. Теперь мне нечего терять, кроме Бога и моей любви к Спасителю.

Господи, прости душу грешную раба твоего Александра.

А зори здесь громкие

Утренний туман распластался над водой и камышами как гулящая девка, вольготно и бессовестно, заполняя собой все уголки берега. Косой поправил поплывшую было удочку и поёжился. Днём стояла адская жара, а ранним утром зябко. Вон Рыжий у нас не промах, ишь рассупонился, не холодно ему. Конечно, отцовский ватник напялил. Косой засмотрелся на Рыжего, чуть клёв не упустил, еле успел подсечь.

– Хорошо клюёт, – сказал Смайлик, позавидовав другу. В его ведре три мелких рыбёшки плавали.

– Чего рот раззявил? Спугнёшь рыбу-то, – испугался суеверный Косой.

Рыжий только ухмыльнулся, высморкался в кулак, стряхнул с руки сопли и крепко втянул воздух, аж грудь колесом выгнулась. Пахло травами, полевыми цветами и речной водой. Открыл глаза и обмер. Кажется что ли? Вроде как силуэт маячит. Проморгался. Нет, не показалось. В воде кто-то стоял. Кто там? Мальчик подошёл ближе и раздвинул камыши.

– А-а-а! – заорал Рыжий. Сердце ходуном, а ноги ватные, двинуться не дают.

– Ты чего орёшь-то? – прибежал подслеповатый Смайлик.

– Баба-жмур, – подытожил подошедший на крик Косой. –

А-а-а!

Смайлик протёр очки, пригляделся и тоже заорал. Трое друзей побросали рыболовные снасти на берегу и пустились наутёк. Только подошвы от поношенных кроссовок сверкали в утренних сумерках. Как будто мёртвая женщина собиралась их догонять.

В доме Рыжего раздавался плотный храп, все крепко спали. Вчера дядька с зоны откинулся, отмечали допоздна. Хотя нет. Маманина постель уже пуста. Корову доить пошла, видать. Рыжий растолкал батю.

– Там того. М-м-мертвяк на реке, – сказал мальчик, заикаясь. Раньше за ним такого не замечали.

– Какой ещё мертвяк?! Спать ложись. Приснилось, поди, – отмахнулся отец.

– Какой, какой, – передразнил Рыжий. – Настоящий! Баба-жмур в воде стоит.

– Баба-жмур – это серьёзно, – подключился дядька, сиделец со стажем.

– Участковому звонить что ли? – спросил отец, привстав с кровати. Проснулся, наконец.

– Самим поглядеть сперва надо. Мало ли привиделось мальцу.

Рыжий шёл впереди процессии, расправив плечи и задрав подбородок. Ему было уже не так страшно. Батя и дядька – надёжные защитники. Если что.

Когда мальчик раздвинул камыши, обнажив место наход-

ки, взрослые побледнели. Мужики многое повидали на своём веку, но чтоб такое! Женщина с разmozжённой головой, слава богу, глаза прикрыты, действительно стояла в реке у берега. Небольшое течение не давало ей замереть на месте, но и не уносило. Создавалось впечатление, будто она вышла потанцевать, а движений не знает, поэтому скромно покачивалась из стороны в сторону.

– Я это... Поеду. Мне светиться перед конторой лишний раз ни к чему. Покеда, братуха, – сказал дядька, и был таков.

Батя почесал затылок. Без участкового здесь точно не обойтись. А он пусть сам вызывает, кого следует.

Друг в беде не бросит

Регина огляделась. Она стояла в пижаме и полосатых гольфах на высокой крепостной стене. Округа тонула в пред-
рассветных сумерках. Где это она? Регина повернула голову, позади блеснули матовым золотом маковки храма. Тревожное небо заалело, отражаясь в озёрной глади. Она никогда не бывала тут раньше.

– Летите!

Неожиданный возглас заставил девушку оторвать взгляд от спящей природы. Рядом с ней стояла монахиня в черной шляпе. Вспомнила. Кажется, это называется клобук. Глаза-льдинки из-под чёрных бровей, сведённых к переносице, уставились в небо. С крепостной стены взмыли два голубя. Голубь и голубка. Белые. Регина смотрела им вслед. Тот, что покрупнее, оберегал ту, что поменьше. Монахиня молчала. Девушке стало не по себе.

– Не бойся, – сказала незнакомка, обнажив знакомую щербинку.

Регина хотела ответить, но внезапно... проснулась. Открыла глаза, поморгала. Точно сон? Очень реалистично всё было. Она даже запах почувствовала. Запах тины, исходящий от озера. Подушка под ней была мокрая, слава Богу, тинной не пахла.

Раннее утро, но вставать не хотелось. Рядом сопел Архипов. Она повернула голову. Руслан был такой смешной, когда спал, беззащитный, светлые кудри разбросал по подушке, лицо расслаблено, брови удивлённо приподняты. Тоже странный сон снится? А вдруг монахиня с голубями и к нему заявила?

– Какая монахиня? Какие крепостные стены? С ума сошла, целый час до работы. Дай поспать, – застонал Руслан, не открывая глаз. Отвернулся. Накрыл голову подушкой.

Регина потихоньку встала и ушла на кухню. Готовить завтрак, кормить ручного ворона Гришу. Он-то точно её выслушает.

"Чего тут думать? Ты как маленькая, чесслово. Забыла, как тётка Матильда учила сны разгадывать? Голубь с голубкой снятся к свадьбе."

Григорий фыркнул, выклёвывая зернышко из кормушки.

– А монахиня к чему снится? – спросила хозяйка, нарезаая лук для яичницы.

"А вот монахиня – это плохо. Это затруднения, сплетни и обман".

– Правда? И откуда ты, интересно, всё это знаешь, – спросила Регина с ехидцей в голосе.

"Загуглил."

Всё! Пора на работу, а во время обеденного перерыва в свадебный салон ещё заскочить не помешает. Денег нет, но нужно хотя бы присмотреться, прицениться. Росточкая

покрутилась перед зеркалом. Блузка с длинными рукавами, юбка ниже колен, летний шарф с цветочным принтом – жарко, конечно, но что делать, нужно как-то прикрывать шрамы на шее и теле.

До работы Регину обычно подвозил Руслан, но сегодня она шла пешком, тут рядышком, рукой подать. В Старграде всё самое важное находилось в центре – на площади Ленина и близлежащих улицах, а криволинейные кварталы с жилой деревянной застройкой растекались в разные стороны, как щупальца осьминога. Немногочисленные старые пятиэтажки брежневской эпохи ютились поодаль, а новостройки так вообще стояли на отшибе.

Регина жила недалеко от центральной площади. Утро выдалось душным, ночная прохлада испарилась ещё до рассвета, поэтому девушка почти бежала, не замечая ни цветущей зелени высоких дубов, ни памятника вождю мирового пролетариата, обсиженного голубями, ни цветочных клумб, ни тумбы с афишами. Да, Господи, что она здесь не видела?! Родилась она в этом маленьком провинциальном городе и прожила почти всю жизнь. Ростоцкая знала Старград на ощупь, с закрытыми глазами могла дойти куда угодно. А сейчас она шла, опустив голову, по мостовой, вымощенной ещё при царе Горохе на деньги местного купечества. Быстрее-быстрее в помещение с кондиционером.

– Жарко!

Архив следственного комитета располагался в отреста-

встроенном здании девятнадцатого века. Ядрёно канареечная краска, покрывавшая бывший приказной дом, бросалась в глаза издали. Регина кивнула знакомому охраннику, приложила электронный пропуск к валидатору и прошла по коридору в кабинет.

– Доброго Вам утречка, Регина Павловна, – по-южному, нараспев приветствовала её коллега Зинаида Ивановна Глушко. – Что-то старший архивист сегодня раненько на работу притопа. Не спится?

– Дел много сегодня, – отмахнулась от подробностей Регина, наклоняясь к кнопке системного блока, чтобы включить компьютер.

Зинаиду Глушко, хохлушку-хохотушку, мать семейства, волею судеб занесло в Старград в советское время. Она немного поработала в канцелярии администрации города, а потом её перевели в архив. Глушко "сыпала" украинскими словечками, которые за годы совместной работы Регина научилась понимать, говорила о себе в третьем лице, проявляла неуёмное любопытство и такую же неуёмную заботу о младшей по возрасту, но не по должности, коллеге.

– А Зинаида даром времени не теряла, не сидела сложа руки. Подготовила папки с документами.

– Какая же Вы молодец! – искренне похвалила младшего архивиста Ростоцкая. Глушко и по работе помогала, и семья у неё, и дом в идеальном порядке. Когда всё успевает?

На сегодня, действительно, дел было невпроворот. Испол-

нение запросов от оперативников и вышестоящих органов, отбор документов для постоянного и временного хранения. Ещё необходимо было провести экспертизу ценности документов, присланных из следственного комитета. Список задач в ежедневнике старшего архивиста был длинный и трудоёмкий – одним махом не отделаешься. Хорошо, что задача по сканированию старых дел для внесения в общую базу, в основном, лежала на Глушко.

В обеденный перерыв Регина всё-таки вырвалась из мира пыльных папок и таких же пыльных от старости уголовных дел и вышла прогуляться.

Какая девушка не мечтает о свадьбе? Никакая. Мечтают все. Кроме Регины Ростоцкой. Она и в юности не стремилась заполучить заветный штампик в паспорт, а после восемнадцати лет потеряла все надежды. Случай с пылким юношей с ямочками на щеках утвердил её во мнении, что она не создана для брака. И для любви тоже не создана.

Сейчас Регине тридцать пять лет, и она выходит замуж. Никаких чудес. Просто бывший одноклассник Руслан Архипов расколдовал спящую красавицу волшебным поцелуем. В школе она не обращала на него внимания – полноватый, обычный, а при общении вообще заторможенный. Но нужда заставила возобновить знакомство. Началось всё как бы "для раскрытия преступления нужно кое-что узнать", Руслан ведь тогда следователем работал, вёл громкое дело, в котором Регина была заинтересована, а закончилось вот этим самым.

Сидит теперь девушка с печальными карими глазами в свадебном салоне и голову ломает.

Регина вздохнула. Вот и сон в руку. Про затруднения. Здесь такой выбор! А она совершенно ничего не знает о свадьбах. Не её это тема. Единственная свадьба, на которой она была – это свадьба младшего брата лет двенадцать назад. Пусть земля ему будет пухом. Рано ушёл Илья, рано. Осиротела она без него. Хорошо хоть деток после себя оставил, племянников. Но тогда они, Илья и Лариса, были влюблены и счастливы.

Илюша – молодой водитель автобуса. Ларка – начинающий художник. Денег кот наплакал. Родители невесты, недовольные выбором дочери, сказали своё "фи" и даже не пришли на церемонию, а потом и вовсе уехали из Старграда. Спасибо тётке Матильде, договорилась с банкетом в столовой, да и с остальным тоже помогла. Ругалась страшно. Что её не послушались, что поторопились, но помогла. Такая она, их тётка. С хлесткими словечками и челюстью немецкого фельдфебеля.

Теперь всё по-другому. Одних свадебных платьев видимо-невидимо. Регина листала каталог и сглатывала слюну. Аппетит приходит во время еды. Девушка хотела и это платье, и это, и то. А здесь, вы только посмотрите, какой чудесный шлейф, как из сказки. И нести его должны обязательно эльфы!

– Гриша, ты даже представить себе не можешь, какие они

все красивые! Божественные! Сказочные! – сказала Регина, опираясь на дверной косяк.

Она скинула уличную обувь, надела тапочки и прошла в комнату. Дома было прохладно, несмотря на жару, что стояла весь день. Деревянный купеческий дом, построенный по уму, умел держать как тепло, так и прохладу. Как же она любила этот дом! Эти немного выцветшие тёмно-зелёные обои. Эту печь с изразцами, начищенными до блеска с любовью. Эту старинную мебель тёмного дерева. Чёрный ворон громко каркнул с высоты резного буфета с жёлтыми рельефными стёклами.

"Чего это я не могу представить? Что я невест что ли не видел в свадебных платьях? Тоже мне, удивила".

– Не спорь со мной. Таких ты точно не видел. Голоден?

Зерно, листья, орехи посыпались в птичью кормушку.

– Красивые они, да. Но цена у них тоже красивая. Со многими нулями.

"Один раз замуж выходишь".

– Да я знаю. Но нам такое не по карману. Мы с Архиповым – бюджетники. Нужно выбирать поскромнее.

Регина ушла переодеваться в домашнее – любимые полосатые гольфы и пижама. Ворон перебежками, перепрыжками, перелётами, подволакивая ушибленное крыло, последовал за ней. Уже в спальне издал ехидный звук, нечто среднее между чавкающими галошами и ломающейся шариковой ручкой.

– Как ты догадался? – спросила девушка домашнего питомца, застыв с полосатым гольфом в руках. Второй уже был на ней.

Пристально посмотрела на ворона. С удивлением. С восхищением. С уважением.

– Ты прав. Я очень хотела украсть одно из этих воздушных творений дизайнерских рук и иголок. Очень. Прямо зачесалась вся от нахлынувшего желания. Как в детстве. Еле взяла себя в руки.

Чёрный пернатый подлетел ближе и снова каркнул.

– Нет. Руслану я ничего не скажу, – сказала Регина, между бровей у неё образовалась упрямая складка.

"Ка-а-а-а-арrrrr?!"

– Потому что стыдно! Он ещё не знает, что я опять все деньги спустила в книжном магазине. На что платье покупать буду, ума не приложу, – сказала хозяйка ручного ворона и в изнеможении опустила на стул.

Когда Регина нервничала, она превращалась в книгоголика, скупала книги, не думая о последствиях. День свадьбы приближался, и она уже жалела, что они всё это затеяли. Расписались бы по-тихому, и делу конец. Нервозность от предстоящего мероприятия достигла апогея.

Масло в огонь подлил Архипов. Позвонил ей и сообщил, что на свадьбу прилетает его мама. Ростоцкая сидела на кухне и чистила картошку. Слой за слоем очистки летели в мусорное ведро. Прилетает мама. Мама, которая жила с доче-

рю, зятем и внуком где-то в Сибири. Мама, которую невеста сына последний раз видела в школе. Мама, которая и не мама вовсе, а будущая свекровь. Разные вещи.

Аллу Андреевну Архипову вызвали тогда в школу. Руслан сорвал урок физкультуры. Подрался с одноклассником. Невысокая, сухопарая женщина в строгом костюме стояла с сыном, выше её ростом, в коридоре.

– Чем провинился сей юноша, что ты его решил наказать физически?

Не отчитывала, просто спросила, чопорно поджав губы.

– Он девочек обижает, гадости про них говорит, – пробурчал Руслан, наклонив светлую голову, держа руку на распухшей щеке. Как будто у него болел зуб.

– Какого Херувима?! За такие дела джентльмены не просто бьют, а вызывают подлеца на дуэль.

– Чего? – спросил сын, поднимая на неё глаза. Не понял.

– На дуэли биться готов, говорю, за девичью честь?

– Мама, я твои шутки не понимаю. Отстань.

Прозвенел звонок. Регина прошла по коридору мимо препирающейся парочки. Руслан, увидев её, выпрямился, убрал руку от лица и тут же вспыхнул.

– Уж не эту ли черноволосую девочку опорочил побитый юноша? – догадалась мать.

– Не эту, – буркнул Архипов и отвернулся.

– Ох, смотри, парень, ты ещё от них наплачешься. От девиц этих.

Регина, слышавшая часть разговора, заинтересовалась. Что там произошло на самом деле? К тому времени она уже научилась пользоваться способностями, открывшимися у неё после клинической смерти. После уроков она подошла к Архипову, собирающему тетрадь и учебник в рюкзак.

– За что ты его избил, Руслан? – спросила она напрямую.

Не улыбаясь. После пожара она разучилась улыбаться. Губы не слушались, мышцы не растягивались, глаза не смеялись. Она пыталась пару раз. Вместо улыбки получалась какая-то мерзкая гримаса, пугающий людей оскал. Доктор тогда сказал, что это последствие шока.

Руслан опять вспыхнул. Дважды за день. Ещё бы! Самая красивая и загадочная девочка в классе знает его имя!

Регина как бы случайно прикоснулась к руке Архипова, и класс сменился спортивным залом.

– Русик, ты даже не представляешь, на кого похожа Росточка! – заявил одноклассник на разминке.

– На кого? – спросил непонимающий Архипов, шагая гуськом. Широким шагом. С нажимом. Качаем ноги, спину, как утверждал физрук.

– Наша Царевна Несмеяна похожа на прокажённую черепашу!

– Это как?!

– Это так. У неё всё тело покрыто шрамами.

– А ты откуда знаешь? – остановился Руслан.

– Я в девчоночью раздевалку подглядывал перед уроком, – похвастался парень.

И тут же получил удар в челюсть снизу. Прямой удар. Анперкот.

Архипов, голодный и уставший, пришёл домой поздно. Новое дело выбило его из колеи. Поцеловал невесту, поинтересовался, как прошёл её день. Регина покраснела, но смолчала о книжном безумии, о свадебных платьях, об отсутствии денег. Отлично всё, Русик. Не переживай. Как ты?

– А знаешь что, давай махнём на море! – вдруг предложил жених, снимая пробу с ужина. Вкусно, кстати.

В Регине внезапно проснулись кулинарные таланты, дремавшие до тех пор, пока в её доме не появился тот, ради которого хочется готовить. Она сидела рядом, подперев подбородок рукой, и с удовольствием наблюдала, как любимый человек поглощал её еду. Наблюдала, как частичка её энергии распространялась по Архипову. В этом была какая-то особая магия.

– Устал я от работы, от трупов и вообще от Старграда. На море хочу. Хотя бы на неделю.

– Нет, нет и ещё раз нет. Никогда и ни за что. Ни за какие коврижки! Даже не заикайся об этом, – сказала Регина и убрала руку от подбородка.

– Свадебное путешествие. Сочи. Море. Солнце, – начал он перечислять соблазны.

Ворон заёрзал на крыше бумфета.

"А я? А как же я? Меня возьмёте с собой?"

– Мы никуда не поедём. Успокойся, Гриша, – твёрдо сказала Регина, откидывая назад прядь чёрных волос. В детстве её смоляные кудри исчезли – волосы распрямились от перенесённого шока.

Архипов внезапно хлопнул себя по лбу.

– Я знаю, в чём дело. Ты боишься пляжа, – догадался Руслан.

– Вот именно! Как ты себе это представляешь? Выхожу я в купальнике, и тут все отдыхающие бросают свои курортные дела и бегут на меня пялиться, – выпалила девушка, покраснев от возмущения.

После четырнадцати лет Регина ни разу не купалась и не загорала на людях. Пожар, унесший в бездну родителей, оставил на её теле неприглядные ожоги и наложил рубец на её сердце. Вспоминая о том пожаре, карие глаза девушки превращались в чёрные угольки. Рана до сих пор затянулась не полностью.

– Теперь у тебя есть я. Тебе нечего бояться, – сказал Архипов, встал, приобнял сзади и поцеловал в макушку.

– Не подлизывайся. Я не поеду на море.

– Тебе нечего бояться, когда рядом с тобой такой красавец. Все будут смотреть только на меня, – сказал Руслан, втянув живот, и принял позу манекенщика. – Обещаю.

Регина посмотрела на жениха. Назвать Руслана красавцем

было трудно. Полноватый, кучерявый, светлые волосы, светлые глаза, обычный парень каких тысячи. Его отличала лишь военная выправка, которая плохо сочеталась с мягким, добрым взглядом.

– Ну, да. Как я могла забыть, что ты неотразим, – ответила Регина, стукнув его по плечу.

На следующий вечер Регина после работы готовила очередной кулинарный шедевр. Курицу, запечённую с черносливом и заправленную сметанным соусом. Руслан язык проглотит как пить дать. Но тут в дверь позвонили.

У калитки стоял темноволосый мужчина явно южного происхождения. Красная рубашка неожиданно изящно оттеняла его смуглое лицо с орлиным профилем. Точно к ней?! Девушка оглянулась, может к кому-то другому пришёл.

– Вы к кому? – спросила она настороженно.

– Я сюда, – сказал южанин, сверкнув белыми зубами. – Регина Ростоцкая, да?

– Да, – растерянно ответила девушка.

– Ты должна мне помочь. Даже не мне! Другу!

Регина покрылась испариной. Во-первых, она кому-то должна. Неприятно. Во-вторых, должна другу южанина. Дожили, докатились. Должна неизвестно кому.

– Меня зовут Багомед. Можно просто – Борис, – представился всё также из-за калитки мужчина со стереотипным кавказским акцентом. – Я в пожарке работаю. Мне про тэбя Иван Фомин рассказывал. Можно войти, да?

Регина провела гостя в дом, усадила за круглый стол, покрытый зелёной кистистой скатертью, предложила чай. С Ваней Фоминым они учились в школе.

– Я прямо не верю Ивану. Как такая красивая молодая девушка и преступников ловит. Убийцу бывшего мэра нашла, да? – сказал Борис, уважительно выпятив нижнюю губу и покачивая головой.

Регина понимала, что это дешёвый подкат, но всё же покраснела. Кончики ушей горели огнём.

– Было дело, да. Что у Вас случилось? – спросила Росточка, откидывая назад чёрные волосы.

– Вообще бэда, слюшай. Друг сидит в турьме. Ни за что посадили! Как так можно?! А?! – сказал южанин, вспыхнув, как солома в костре. Моментально.

– Ну, а почему Вы сюда пришли? Идите к прокурору, к следователю. Обвинение предъявили уже? – поинтересовалась девушка, пододвигая гостю вазочку с конфетами.

– "Вы обвиняетесь в убийстве". Так сказали, – передразнил Борис. – Я им не доверяю. Полиции, прокурору всё равно, кто будет сидеть. А Марк, он хороший. Настоящий джигит. Он не может быть убийцей. Я сказал!

– Так. Давайте по порядку. Вашего друга зовут...

– Марк Климчук. Он тоже пожарный, – немного подумав, южанин добавил. – Был.

– Как так? Почему был? – спросила Росточка, выгибая левую бровь.

– Инвалид он. Проблемы со здоровьем. Тут болит, – показал Борис себе на грудь. Непонятно, то ли сердце имел в виду, то ли лёгкие. Не важно, в общем. – Домой пришли, скрутили. Вы, говорят, женщину убили, и увезли. Скажи, как так можно, а?!

– А почему к нему пришли?

– А я откуда знаю?! Я – пожарный, а не слепая бабушка Ванга. Угадывать не умею.

– Понятно. Ну, давайте посмотрим, что там, – сказала Регина, встала и вытащила из ящика буфета колоду карт.

Давно она их в руки не брала. Да вот как раз в прошлом году из-за убийства мэра и доставала в последний раз. Не любила тревожить их по пустякам. И вообще не любила гадать, хоть и умела. При гадании энергия уходит, как вода в сухую землю, а восполнять её потерю ох как трудно.

– Сдвиньте карты, – попросила Регина, протягивая колоду Борису.

Раскинула карты. Нахмурилась. Ещё раз раскинула. Вздыхнула.

– Плохо всё, да? – не выдержал гость. Тишина давила на уши и на пылкую южную натуру.

– Не плохо, но и не хорошо.

– Э, слушай, зачем туман наводишь? Прямо говори, – выкрикнул Борис, жестикулируя.

– Он действительно не виноват. Ваша правда, – сказала девушка, при этом между бровями образовалась упрямая

складка.

– Не зря тебя хвалили. Умная дэвушка, – мгновенно сменил гнев на милость брюнет. – Полицейским своим скажи, чтобы Марка отпустили.

– На основании чего? – не поняла гадалка.

– Вот! Вот чего, – сказал Борис, схватил короля червей со стола и поднес к лицу девушки.

Гриша раскаркался.

"Ну и юморист! Уж не Гарик ли свет Мартиросян к нам в гости пожаловал?"

– Гадальные карты не принимаются в качестве доказательства невиновности.

– Что нужно сделать тогда?

– Найти настоящего убийцу.

– Так найди! – сказал Борис, поднял плечи и развел руки в стороны.

"Как будто это так просто. Что же сам не нашел? К Регине прискакал за помощью. Тоже мне джигит".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.